

Остаток вечера прошел в рассуждениях о том, через сколько дней следует ожидать ответного визита мистера Бингли и когда после этого его можно будет пригласить на обед.

ГЛАВА III

Как ни старались миссис Беннет и ее пять дочерей, им все же не удалось добиться от главы семьи такого описания мистера Бингли, которое могло бы удовлетворить их любопытство. Они атаковали мистера Беннета самыми различными способами: вопросами напрямик, хитроумными догадками, отдаленными намеками. Но он не поддавался ни на какие уловки. И в конце концов им пришлось удовольствоваться сведениями из вторых рук, полученными от их соседки, леди Лукас. Сообщения последней были весьма многообещающими. Сэр Уильям был в восторге от мистера Бингли. Он еще очень молод, хорош собой, чрезвычайно любезен и, в довершение всего, выражает намерение непременно присутствовать на ближайшем балу, куда собирается прибыть с целой компанией своих друзей.

Ничего лучшего нельзя было и желать. Кто интересуется танцами, тому ничего не стоит влюбиться. Все питали самые радужные надежды на скорейшее завоевание сердца мистера Бингли.

— Ах, если бы мне довелось увидеть одну из моих дочерей счастливой хозяйкой Незерфилда, — сказала своему мужу миссис Беннет, — и так же удачно выдать замуж остальных — мне бы тогда нечего было больше желать.

Через несколько дней мистер Бингли отдал визит мистеру Беннету и просидел десять минут в его библиотеке. Мистер Бингли надеялся взглянуть на молодых леди, о красоте которых он уже много слышал, но ему удалось повидать только их отца. Дамы были несколько удачливее его: им посчастливилось увидеть из верхнего окна, что на нем был синий сюртук и что он приехал на вороной лошади.

Вскоре после этого было послано приглашение на обед. Миссис Беннет составила уже меню, делавшее честь ее умению вести хозяйство, как вдруг из Незерфилда пришел ответ, расстроивший все планы. Мистеру Бингли необходимо на следующий день уехать в Лондон, что, к величайшему сожалению, лишает его возможности воспользоваться оказанным ему вниманием и т. д. и т. п. Миссис Беннет была крайне разочарована. Она никак не могла представить, что за дела возникли у него в городе так скоро после переезда в Хартфордшир, и начала опасаться, что он вечно будет порхать с места на место и что Незерфилд никогда не станет его постоянным пристанищем. Ее тревога была до некоторой степени рассеяна предположением леди Лукас, что он мог поехать в Лондон за своими друзьями, с которыми собирался появиться на балу. Вскоре стали поговаривать, что на бал вместе с Бингли прибудет двенадцать дам и семь джентльменов. Барышень опечалило число дам, но они несколько ободрились, услышав, что вместо двенадцати спутниц с ним приехали из Лондона только шесть: пять его сестер и одна кузина. Когда незерфилдская компания вступила в бальный зал, обнаружилось, что она состоит всего из пяти человек: мистера Бингли, двух его

сестер, мужа старшей сестры и еще одного молодого господина.

Мистер Бингли оказался молодым человеком с благородной и приятной наружностью и непринужденными манерами. Обе сестры его — особами изящными и весьма светскими. Его зять, мистер Хёрст, с трудом мог сойти за дворянина. Зато друг мистера Бингли, мистер Дарси, сразу привлек к себе внимание всего зала своей статной фигурой, правильными чертами лица и аристократической внешностью. Через пять минут после их прихода всем стало известно, что он владелец имения, приносящего десять тысяч фунтов годового дохода. Джентльмены нашли его достойным представителем мужского пола, дамы объявили, что он гораздо привлекательнее мистера Бингли, и в течение первой половины вечера он вызывал всеобщее восхищение. Однако позднее, из-за его поведения, популярность мистера Дарси быстро пошла на убыль. Стали поговаривать, что он слишком горд, что он перед всеми задирает нос и что ему трудно угодить. И уже все его огромное поместье в Дербишире не могло искупить его неприятной и даже отталкивающей наружности. Разумеется, он не выдерживал никакого сравнения со своим другом.

Мистер Бингли вскоре перезнакомился почти со всеми присутствовавшими. Он был оживлен и любезен, участвовал в каждом танце, жалел о слишком раннем окончании бала и даже упомянул вскользь, что не мешало бы устроить бал в Незерфилде. Столь приятные качества говорили сами за себя. Как разительно отличался он от своего друга! Мистер Дарси танцевал только раз с миссис Хёрст и раз с мисс Бингли, не пожелал быть представленным другим дамам и весь остальной

вечер провел, прохаживаясь по залу и изредка перекидываясь словами с кем-нибудь из своих спутников. Характер его осудили все. Дарси был признан одним из самых заносчивых и неприятных людей на свете, и все хором выражали надежду на то, что он больше никогда не появится в местном обществе. Среди злейших его противников оказалась миссис Беннет. Разделяемое этой дамой общее неудовольствие поведением мистера Дарси превратилось в личную неприязнь после того, как он отнесся пренебрежительно к одной из ее дочерей.

Из-за недостатка кавалеров Элизабет Беннет была вынуждена в течение двух танцев просидеть у стены. При этом ей невольно пришлось подслушать разговор между мистером Дарси, который стоял неподалеку, и мистером Бингли, на минуту покинувшим танцующих для того, чтобы уговорить своего друга последовать их примеру.

— Пойдемте, Дарси. Я должен заставить вас танцевать, — сказал он, подходя к своему другу. — Не могу смотреть, как вы целый вечер глупейшим образом простаиваете в одиночестве. Право же, пригласите кого-нибудь.

— Ни в коем случае! Вы знаете, танцы не доставляют мне удовольствия, если я не знаком со своей дамой. А в здешнем обществе — это было бы для меня просто невыносимо. Ваши сестры приглашены, а кроме них, в зале нет ни одной женщины, танцевать с которой не было бы для меня сущим наказанием.

— О, я не так привередлив, как вы! — воскликнул Бингли. — Клянусь честью, я еще ни разу не встречал за один вечер так много хорошеньких женщин; среди них есть просто красавицы!

— Вы танцуете с единственной хорошенькой девицей в этом зале, — сказал мистер Дарси, взглянув на старшую мисс Беннет.

— О, это самое очаровательное создание, какое мне когда-нибудь приходилось встречать! Но вон там, за вашей спиной, сидит одна из ее сестер. По-моему, она тоже очень недурна. Хотите, я попрошу мою даму вас познакомить?

— Про кого это вы говорите? — Обернувшись, Дарси взглянул на Элизабет, но, заметив, что она на него смотрит, отвел глаза и холодно сказал: — Что ж, она как будто мила. И все же не настолько хороша, чтобы нарушить мой душевный покой. А у меня сейчас нет охоты утешать молодых леди, которыми пренебрегли другие кавалеры. Возвращайтесь-ка к своей даме. Уверю вас, вы теряете со мной время, которое могли бы провести, наслаждаясь ее улыбками.

Бингли последовал этому совету, его приятель отошел в другой конец комнаты, а Элизабет осталась на месте, питая не слишком добрые чувства по отношению к Дарси. Впрочем, она с удовольствием рассказала об этом случае в кругу своих друзей, так как обладала веселым нравом и была не прочь посмеяться.

Вся семья провела вечер все же очень приятно. Миссис Беннет была в восторге от внимания, которое обитатели Незерфилда оказали ее старшей дочери. Мистер Бингли танцевал с ней дважды, и она была любезно принята его сестрами. Джейн радовалась этому не меньше матери, хотя и не выражала своего восторга столь явно. Элизабет радовалась за Джейн. Мэри слышала, как кто-то в разговоре с мисс Бингли назвал ее самой начитанной девицей во всей округе; Кэтрин и Лидии

посчастливилось ни разу не остаться в танцах без кавалеров — большего от бала они пока не научились желать. Таким образом, все вернулись в Лонгборн — селение, в котором они жили и где семейство Беннет занимало видное положение, — в превосходнейшем состоянии духа. Когда они приехали, мистер Беннет еще не спал. За книгой он не замечал времени; на этот же раз ему было весьма любопытно узнать, как прошел вечер, от которого столь многого ожидали его домашние. Он почти не сомневался, что замыслы его жены в отношении их нового знакомого не увенчаются успехом. Однако вскоре он понял, что ему предстоит выслушать рассказ совсем в другом роде.

— О дорогой мистер Беннет, — входя в комнату, воскликнула его жена, — какой вечер мы провели! Бал был великолепен! Жаль только, вас не было. Джейн пользовалась необыкновенным успехом. Все только и говорили, какая она красавица. Мистер Бингли назвал ее очаровательной и танцевал с ней два раза. Вы только подумайте, мой друг, — целых два раза! И она была единственной, кого он приглашал дважды. Сначала он танцевал с мисс Лукас. Меня всю покорило, когда я увидела его с ней в паре. Но она ему ничуть не понравилась. Да и кому она может понравиться, вы сами знаете! Зато когда стала танцевать Джейн, он как будто весь загорелся. Разузнал, кто она такая, попросил, чтобы его ей представили, и тут же пригласил ее на второй танец. В третьем танце его парой была мисс Кинг, в четвертом — Мария Лукас, в пятом еще раз Джейн, в шестом — Лиззи; буланже он танцевал...

— Будь у него ко мне хоть капля сочувствия, — не терпеливо перебил ее муж, — он бы танцевал вдвое

меньше. Ради бога, не перечисляйте больше его дам. Что ему стоило подвернуть ногу при первом танце?

— Ах, дорогой мой, я от него в восторге! — продолжала миссис Беннет. — Он необыкновенно хорош собой! А сестры его — просто очаровательны! Я в жизни не видывала более элегантных нарядов! Думаю, что кружево на платье миссис Хёрст...

Здесь ее речь была снова прервана, так как мистер Беннет не пожелал выслушивать описание туалетов. Поэтому ей пришлось переменить тему, и она возмущенно и с преувеличениями рассказала про неслыханную дерзость мистера Дарси.

— Могу вас заверить, — заключила она, — Лиззи не много потеряла от того, что пришлась ему не по вкусу! Этому противному человеку и нравиться даже не стоит. Такой важный и надутый, недаром его все невзлюбили. Расхаживает туда-сюда, воображая о себе бог весть что! Недостаточно хороша, чтобы с ним танцевать!.. Хотела бы я, чтобы вы были там и осадили его как следует. Терпеть не могу этого человека!

ГЛАВА IV

Когда Джейн и Элизабет остались одни, Джейн, до того отзывавшаяся о мистере Бингли весьма сдержанно, призналась сестре, насколько он ей понравился.

— Он именно такой, каким должен быть молодой человек, — сказала она, — умный, добрый, веселый. И я никогда еще не видела подобных манер — столько свободы и вместе с тем как чувствуется хорошее воспитание!

— К тому же он недурен собой, — добавила Элизабет, — что также говорит в пользу молодого человека, если к нему это относится. Благодаря этому характер его можно считать вполне совершенным.

— Я была так польщена, когда он пригласил меня танцевать второй раз! Признаюсь, я этого совершенно не ожидала.

— Не ожидала! Зато я ожидала вместо тебя. Знаки внимания каждый раз застигают тебя врасплох, а меня — никогда. В этом — одно из различий между нами. Ну что могло быть естественнее того, что он однажды пригласил тебя танцевать? Разве он не видел, что ты самая красивая девушка в зале? Чего же тут удивляться его галантности? Впрочем, он в самом деле довольно милый молодой человек, и пусть уж он тебе нравится. Тебе не раз нравился кое-кто и похуже.

— Лиззи, дорогая!

— Ты сама знаешь, что слишком склонна расхваливать кого угодно, не замечая ни в ком малейшего изъяна. Все люди кажутся тебе добрыми и красивыми. Ну хоть раз в жизни ты отозвалась о ком-нибудь плохо?

— Мне никого не хотелось бы неосмотрительно осудить. Но ведь я всегда говорю то, что думаю.

— Я знаю. Именно это меня больше всего и удивляет. Как ты, с твоим здравым смыслом, способна не замечать слабостей и глупости окружающих? Наигранное прекраснотуши встречается достаточно часто, чуть ли не на каждом шагу. Но искренне, без всякого притворства или расчета видеть в каждом человеке лишь хорошие качества, к тому же их преувеличивая, и не замечать ничего плохого — на это способна ты одна. Значит, тебе

так же понравились и его сестры? Своими манерами они ведь сильно отличаются от мистера Бингли?

— Разумеется, если судить по первому взгляду. Но достаточно с ними немного поговориться, чтобы почувствовать, какие это славные женщины. Мисс Бингли собирается жить с братом и вести его хозяйство. Мне кажется, я не ошибусь, предсказывая, что в ее лице мы приобретем необычайно приятную соседку.

Элизабет выслушала ее молча, но в душе с ней не согласилась. Поведение сестер мистера Бингли на балу отнюдь не было рассчитано на всеобщее одобрение. Обладающая большей, чем Джейн, наблюдательностью, не столь добродушная и не связанная личным чувством, Элизабет не могла ими восторгаться. Мисс Бингли и ее сестра, миссис Хёрст, были в самом деле особами весьма изысканными. Они не были лишены остроумия, когда находились в хорошем расположении духа, умели понравиться, когда это входило в их намерение, но в то же время были заносчивы и высокомерны. Обе они казались довольно красивыми, получили образование в одном из лучших частных пансионатов, владели двадцатью тысячами фунтов, расходуя денег больше, чем имели в своем распоряжении, привыкли вращаться в светском обществе, а потому считали себя вправе придерживаться высокого мнения о собственных персоне и низкого — о людях окружающих. Родились они в почтенной семье, происходившей из Северной Англии, — обстоятельство, запечатлевшееся в их памяти более глубоко, чем то, что своим богатством они были обязаны торговле.

Отец мистера Бингли оставил сыну около ста тысяч фунтов. При жизни он собирался приобрести имение, но своей мечты так и не осуществил. Сам мистер

Бингли тоже питал в душе такое намерение и даже как-то ездил с этой целью в родное графство. Но после того, как он обзавелся хорошим домом с прилегающими охотничьими угодьями, для многих, знавших его беспечный характер, казалось вероятным, что он всю жизнь проведет в Незерфилде, отложив основание родового поместья Бингли до следующего поколения.

Его сестрам очень хотелось, чтобы он стал землевладельцем. Но хотя пока что он оставался лишь арендатором, мисс Бингли ни в коей мере не отказывалась играть роль хозяйки за его столом. Миссис Хёрст, которая вышла замуж за человека более родовитого, чем богатого, тоже ничего не имела против того, чтобы считать его дом своим, когда ей это представлялось удобным. Про Незерфилд-парк Бингли узнал благодаря случайной рекомендации через два года после своего совершеннолетия. Он обошел дом за полчаса, остался доволен его местоположением и внутренним устройством, а также изложенными хозяином преимуществами имения и тут же его арендовал.

Несмотря на различие характеров, он был связан с Дарси теснейшей дружбой. Дарси ценил Бингли за его легкую, открытую и податливую натуру, хотя эти качества резко противоречили его собственному нраву, которым сам он отнюдь не был недоволен. Бингли вполне полагался на дружбу Дарси, весьма доверяя его суждениям, более глубоким, чем его собственные. Хотя Бингли вовсе не был недалеким человеком, но Дарси был по-настоящему умен. В то же время Дарси был горд, замкнут и ему было трудно угодить. Его манеры, хотя и свидетельствовали о хорошем воспитании, не слишком располагали к себе окружающих. В этом

отношении его друг имел перед ним значительное преимущество. Где бы ни показался Бингли, он сразу вызывал к себе дружеские чувства. Дарси же постоянно всех от себя отталкивал.

Отношение каждого к меритонскому балу было достаточно характерным. Бингли в жизни своей еще не встречал столь милого общества и таких очаровательных женщин; все были к нему добры и внимательны, он не ощущал никакой натянутости и вскоре близко сошелся со всеми, кто находился в зале. Что же касается мисс Беннет, то он не мог себе представить более прелестного ангела. Дарси, напротив, видел вокруг себя толпу людей довольно безобразных и совершенно безвкусных, к которым он не испытывал ни малейшего интереса и со стороны которых не замечал ни внимания, ни расположения. Он признавал, что мисс Беннет недурна собой, но находил, что она чересчур много улыбается.

Миссис Хёрст и ее сестра готовы были согласиться с такой характеристикой мисс Беннет, но все же Джейн им понравилась, и они объявили, что она премиленькая девочка и что они ничего не имеют против того, чтобы поддерживать с ней знакомство. Мисс Беннет так и осталась премиленькой девочкой, в соответствии с чем мистеру Бингли было дозволено относиться к ней так, как ему заблагорассудится.

ГЛАВА V

Неподалеку от Лонгборна жила семья, с которой Беннеты поддерживали особенно близкие отношения. Сэр Уильямс Лукас ранее занимался торговлей в Меритоне,

где приобрел некоторое состояние, а также титул баронета, пожалованный ему в бытность его мэром, благодаря специальному обращению к королю. Последнее отличие подействовало на него, пожалуй, слишком сильно. Оно породило в нем неприязнь к прежнему образу жизни и занятиям в небольшом торговом городке. Расставшись с тем и другим, он перебрался со своей семьей в дом, расположенный в одной миле от Меритона, который с той поры стал именоваться «Лукас Лодж». Здесь сэр Уильям, не будучи обременен никакими делами, мог с удовольствием предаваться размышлениям о собственной значительности и проявлять предупредительность по отношению ко всему свету. В самом деле, хотя полученное звание и возвеличило его в собственных глазах, оно все же не сделало его высокомерным. Напротив, сэр Уильямс был воплощением любезности и внимательности к каждому встречному, так как представление ко двору в Сент-Джеймсе сделало этого по природе безобидного и дружелюбного человека еще и обходительным.

Леди Лукас была добродушной женщиной, в меру недалекой, чтобы стать подходящей соседкой для миссис Беннет. У нее было несколько детей. Старшая дочь, смышленная и начитанная девушка лет двадцати семи, была большой подругой Элизабет.

Барышни Лукас и барышни Беннет неизбежно должны были встретиться, чтобы поговорить о бале. И на следующее утро первые оказались в Лонгборне, готовые слушать и рассказывать.

— Для вас, Шарлотта, вечер начался неплохо, — обратилась миссис Беннет к мисс Лукас. — Ведь первый танец мистер Бингли танцевал с вами.

— Да, но он был больше доволен своей дамой во втором танце.

— Вы говорите это, потому что он пригласил Джейн еще раз? Что ж, он и впрямь вел себя так, будто она ему приглянулась. Я даже кое-что слышала по этому поводу — не помню подробностей, — что-то в связи с мистером Робинсоном.

— Быть может, вы имеете в виду его разговор с мистером Робинсоном, который я случайно подслушала? Разве я вам его не передала? Когда мистер Робинсон спрашивал его — нравится ли ему наше общество, не находит ли он, что в зале собралось много хорошеньких женщин и которая из них кажется ему самой красивой, он сразу же ответил на последний вопрос: «О, разумеется, старшая мисс Беннет! Тут даже не может быть двух мнений!»

— Честное слово, сказано довольно решительно. Можно подумать, что... Но вы знаете — все может кончиться ничем.

— Не правда ли, я была более удачливой шпионкой, чем ты, Элиза? — сказала Шарлотта. — Мистер Дарси говорит менее приятные вещи, чем его друг. Бедная Элиза! Ты, оказывается, всего лишь «как будто мила»!

— Надеюсь, вы не станете вбивать Лиззи в голову, что она должна быть задета его словами? Понравиться такому несносному человеку было бы просто несчастьем. Миссис Лонг сказала вчера, что он просидел около нее полчаса кряду и за все время даже не раскрыл рта.

— Уверены ли вы в этом? — спросила Джейн. — Нет ли тут какого-то недоразумения? Я хорошо видела, как мистер Дарси с ней разговаривал.

— Пустяки! Она его под конец спросила — понравился ли ему Незерфилд. Вот ему и пришлось что-то ответить. По ее словам, Дарси сделал это весьма неохотно.

— Мисс Бингли сказала мне, — заметила Джейн, — что он терпеть не может подолгу беседовать с посторонними. Зато с близкими друзьями он держится необыкновенно приветливо.

— Вот уж не поверю здесь ни единому слову, дорогая. Если бы он умел быть приветливым, он бы поговорил с миссис Лонг. В чем тут дело, мне совершенно ясно: он лопается от гордости, а тут до него как-то дошло, что у миссис Лонг нет экипажа и что на бал она прикатила в наемной карете.

— Меня мало трогает, что Дарси не беседовал с миссис Лонг, — сказала Шарлотта. — Но мне жаль, что он отказался танцевать с Элизой.

— На твоем месте, Лиззи, — сказала мать, — в следующий раз я бы сама отказалась принять его приглашение.

— Думаю, что я могу обещать вам никогда с ним не танцевать.

— Признаюсь, — сказала мисс Лукас, — гордость мистера Дарси задевает меня не так сильно, как чья-либо другая. У него для гордости достаточные основания. Приходится ли удивляться, что столь выдающийся молодой человек, знатный и богатый, придерживается высокого мнения о своей особе. Он, если можно так сказать, имеет право быть гордым.

— Все это так, — ответила Элизабет. — И я бы охотно простила ему его гордость, если бы он не ранил мою.

— Гордость, — вмешалась Мэри, всегда отличавшаяся глубиной суждений, — представляется мне весьма

распространенным недостатком. Во всех прочитанных мной книгах говорится, что человеческая природа ей очень подвержена. Весьма немногие среди нас не лелеют в своей душе чувства самодовольства, связанного с какой-то действительной или мнимой чертой характера, которая выделила бы их среди окружающих. Гордость и тщеславие — разные вещи, хотя этими словами часто пользуются как синонимами. Человек может быть гордым, не будучи тщеславным. Гордость скорее связана с нашим собственным о себе мнением, тщеславие же — с мнением других людей, которое нам бы хотелось, чтобы они составили о нас.

— Если б я был так же богат, как мистер Дарси, — воскликнул юный Лукас, который приехал в Лонгборн вместе с сестрами, — я бы не стал особенно важничать, а завел бы себе свору борзых да откупоривал каждый день по бутылочке вина!

— Ты бы при этом выпивал гораздо больше вина, чем следует, — возразила миссис Беннет. — И если бы я застала тебя за этим занятием, я бы отобрала у тебя бутылку.

Мальчик стал с ней спорить, утверждая, что она не осмелилась бы этого сделать, но она настаивала на своем, и спор прекратился только с отъездом гостей.

ГЛАВА VI

Лонгборнские леди вскоре навестили незерфилдских дам. Визит был должным образом возвращен. Приятные манеры старшей мисс Беннет расположили в ее пользу миссис Хёрст и мисс Бингли. И хотя мамаша была

признана невыносимой, а о младших дочках не стоило и говорить, двум старшим дали понять, что с ними желали бы поддерживать более близкое знакомство. Такое внимание очень обрадовало Джейн. Но Элизабет, все еще чувствовавшая их высокомерное отношение ко всему местному обществу, в том числе, пожалуй, даже к ее сестре, приняла его довольно холодно, считая, что некоторая доброжелательность миссис Хёрст и мисс Бингли к Джейн, по всей вероятности, проистекает из склонности к ней мистера Бингли. В самом деле, эта склонность бросалась в глаза всякому, кто видел их вместе. Для Элизабет было также очевидно, что увлечение Джейн мистером Бингли, возникшее с самого начала их знакомства, становится все более сильным и что в скором времени она будет по уши в него влюблена. Элизабет, однако, с удовлетворением замечала, что эта влюбленность станет не скоро известна посторонним, так как большую силу чувства Джейн сочетала с таким самообладанием и приветливостью, которые должны были защитить ее от подозрений излишне любопытных знакомых. Она поделилась этим наблюдением со своей подругой мисс Лукас.

— Быть может, это неплохо, — сказала Шарлотта, — настолько владеть собой, чтобы в подобных обстоятельствах не выдавать своих чувств. Однако в этой способности может таиться и некоторая опасность. Если женщина скрывает увлечение от своего избранника, она рискует не сохранить его за собой. И тогда слабым утешением для нее будет сознавать, что мир остался в таком же неведении. Почти всякая привязанность в какой-то степени держится на благодарности или тщеславии, и пренебрегать ими вовсе не безопасно.

Слегка увлечься все мы готовы совершенно бескорыстно — небольшая склонность вполне естественна. Но мало найдется людей настолько великодушных, чтобы любить без всякого поощрения. В девяти случаях из десяти женщине лучше казаться влюбленной сильнее, чем это есть на самом деле. Бингли, несомненно, нравится твоя сестра. И тем не менее все может кончиться ничем, если она не поможет ему продвинуться дальше.

— Но она помогает ему настолько, насколько допускает ее характер. Неужели он так ненаблюдателен, что не замечает склонности, которая мне кажется очевидной.

— Не забывай, Элиза, что характер Джейн известен ему не так хорошо, как тебе.

— Но если женщина неравнодушна к мужчине и не пытается подавить в себе это чувство, должен же он это заметить?

— Возможно, — если только он проводит с ней достаточно много времени. Но хоть Бингли и Джейн видятся довольно часто, они никогда не остаются подолгу наедине. А встречаясь в обществе, они, конечно, не могут все время разговаривать только друг с другом. Поэтому Джейн должна использовать как можно лучше каждый час, в течение которого она располагает его вниманием. Когда сердце его будет завоевано, у нее останется сколько угодно времени для того, чтобы влюбиться в него самой.

— Неплохой план, — ответила Элизабет, — для тех, кто ищет только, как бы побыстрее выйти замуж. И если бы я задумала приобрести богатого мужа или вообще какого-нибудь мужа, я бы, наверно, им воспользовалась. Но чувства Джейн совершенно иного

рода. Она не строит расчетов. До сих пор она еще не уверена ни в силе своей привязанности, ни в том, насколько она разумна. С тех пор, как они познакомились, прошло всего две недели. Она протанцевала с ним два танца в Меритоне, затем видела его в течение одного утра в Незерфилде. После того они еще четыре раза вместе обедали в большой компании. Этого недостаточно, чтобы она смогла изучить его характер.

— Конечно, нет, если смотреть на все, как ты смотришь. Если она только обедала с ним, она может судить лишь о его аппетите. Но ты забываешь, что они при этом провели вместе четыре вечера. А четыре вечера могут значить очень многое.

— Да, эти четыре вечера позволили им установить, что оба они игру в «двадцать одно» предпочитают игре в покер. Боюсь, однако, что другие не менее важные черты характера успели им раскрыться гораздо меньше.

— Что ж, — сказала Шарлотта, — желаю Джейн успеха от всего сердца. И выйди она за него замуж хоть завтра, я бы считала, что она располагает теми же шансами на счастливую жизнь, как если бы изучала характер своего будущего мужа целый год. Удача в браке полностью зависит от игры случая. Как бы хорошо ни были известны сторонам обоюдные склонности и как бы хорошо они на первый взгляд между собой ни сочетались, — это никак не сказывается на счастье супругов. Со временем между ними возникнет неминуемый разлад, и им выпадут все положенные на их долю огорчения. И не лучше ли в таком случае как можно меньше знать недостатки человека, с которым придется провести жизнь?

— Тебе хочется вызвать меня на спор, Шарлотта. Но твои рассуждения — чистейший вздор. Ты понимаешь это сама. Едва ли ты руководствовалась бы ими в собственной жизни.

Приглядываясь к отношениям между мистером Бингли и Джейн, Элизабет была далека от мысли, что с некоторых пор стала сама предметом пристального наблюдения со стороны его приятеля. Мистер Дарси вначале едва допускал, что она недурна собой. Он совершенно равнодушно смотрел на нее на балу. И когда они встретились в следующий раз, он видел в ней одни недостатки. Но лишь только он вполне доказал себе и своим друзьям, что в ее лице нет ни одной правильной черты, как вдруг стал замечать, что оно кажется необыкновенно одухотворенным благодаря прекрасному выражению темных глаз. За этим открытием последовали и другие, не менее рискованные. Несмотря на то, что своим придирчивым оком он обнаружил не одно отклонение от идеала в ее наружности, он все же был вынужден признать ее необыкновенно привлекательной. И хотя он утверждал, что поведение Элизабет отличается от принятого в светском обществе, оно подкупало его своей живой непосредственностью. Элизабет ничего об этом не знала. Для нее мистер Дарси по-прежнему оставался лишь человеком, который всем был не по душе и который считал ее не настолько красивой, чтобы он мог с ней танцевать.

У Дарси появилось желание познакомиться с ней поближе, и для того, чтобы найти повод для разговора с Элизабет, он стал прислушиваться к ее разговорам с другими людьми. Эти маневры обратили на себя ее внимание. Произошло это в гостях у сэра Уильяма

Лукаса, у которого собралось в тот день большое общество.

— Зачем мистеру Дарси понадобилось подслушивать мой разговор с полковником Форстером? — спросила она у Шарлотты.

— На этот вопрос может ответить только сам мистер Дарси.

— Если он себе позволит это еще раз, я непременно дам ему понять, что замечаю его уловки. У него очень насмешливые глаза, и, если я сама не буду с ним достаточно дерзкой, я стану его побаиваться.

Как раз в этот момент мистер Дарси приблизился к ним, не обнаруживая, впрочем, желания вступить в разговор, и мисс Лукас принялась подзадоривать подругу, чтобы она осуществила свое намерение. Вызов подействовал, и Элизабет, обернувшись к нему, спросила:

— Не показалось ли вам, мистер Дарси, что, убеждая сейчас полковника Форстера дать бал в Меритоне, я привела достаточно веские доводы.

— Вы говорили с большим жаром. Впрочем, какая леди не воспламенится от подобной темы!

— О, вы к нам слишком суровы.

— Ну, а теперь не попробовать ли нам убедить и тебя, — сказала мисс Лукас. — Я открываю инструмент, Элиза, и ты знаешь, что за этим должно последовать.

— Странная ты подруга, Шарлотта, всегда заставляешь меня играть и петь перед любимым и каждым. Если бы мне вздумалось прослыть выдающейся артисткой, ты была бы просто незаменима. Но ведь я к этому не стремлюсь. Право же, я лучше не стану утруждать

слух тех, кому знакомы в самом деле хорошие исполнители.

Однако когда мисс Лукас начала настаивать, она сказала:

— Ну что ж, чему быть — того не миновать! — И, хмуро глядя на мистера Дарси, добавила: — В наших краях помнят еще старое правило: чем сказать, лучше смолчать. Видно, уж надо мне смириться, да тем и кончить дело.

Пела она приятно, хоть и не особенно мастерски. После одной или двух песенок, еще до того, как она смогла что-то ответить слушателям, просившим о повторении, ее отеснила от фортепьяно сестра Мэри — единственная в семье дурнушка, которая усиленно занималась самоусовершенствованием и всегда была рада себя показать.

У Мэри не было ни таланта, ни вкуса. И хотя тщеславие сделало ее усидчивой, оно в то же время внушило ей такие педантично-самодовольные манеры, которые повредили бы и более мастерскому исполнению. Простое и безыскусное пение Элизабет, хотя и менее совершенное, понравилось публике гораздо больше. Поэтому после затянувшегося концерта Мэри была рада заслужить аплодисменты, играя шотландские и ирландские песенки по просьбе младших сестер, которые вместе с сестрами Лукас и двумя или тремя офицерами затеяли в другом конце комнаты танцы.

Мистер Дарси находился от них неподалеку, негодуя по поводу такого препровождения времени, которое исключало возможность разумной беседы. Он был слишком поглощен своими мыслями, чтобы заметить подошедшего сэра Уильяма Лукаса, пока последний не обратился к нему со словами:

— Не правда ли, какое это прекрасное развлечение для молодежи, мистер Дарси! В самом деле, может ли быть что-нибудь приятнее танцев? Я нахожу, что танцы — одно из высших достижений цивилизованного общества.

— Совершенно верно, сэр. И в то же время они весьма распространены в обществе, не тронутым цивилизацией. Плясать умеет всякий дикарь.

Сэр Уильям улыбнулся.

— Ваш друг танцует просто превосходно, — продолжал он после некоторой паузы, увидев, что к танцующим присоединился мистер Бингли. — Не сомневаюсь, что и вы, мистер Дарси, могли бы поразить нас своим искусством.

— Вы, вероятно, видели, сэр, как я танцевал в Меритоне.

— Вы угадали, — и получил при этом немалое удовольствие! Вам часто приходится танцевать в Сент-Джеймсе?

— Никогда, сэр.

— Разве вы не находите это подходящим способом выразить свое уважение королевской фамилии?

— Я ни одной фамилии не выражаю своего уважения подобным способом, если могу этого избежать.

— У вас, должно быть, есть в столице собственный дом?

Мистер Дарси кивнул.

— Одно время я тоже подумывал о том, чтобы переселиться в Лондон, — я так люблю хорошее общество! Но, признаться, я побаиваюсь, как бы лондонский воздух не оказался вреден для леди Лукас.

Он замолчал, дожидаясь ответа. Его собеседник, однако, не был расположен продолжать разговор. В эту

минуту к ним приблизилась Элизабет, и сэру Уильяму пришла в голову мысль проявить галантность.

— Как, дорогая мисс Элиза, вы не танцуете? Мистер Дарси, я буду крайне польщен, если по моему совету вы пригласите эту очаровательную юную леди. Не правда ли, вы не сможете отказаться танцевать, когда перед вами находится олицетворение красоты. — И, схватив руку Элизабет, он хотел было уже соединить ее с рукой мистера Дарси, который, несколько растерявшись от неожиданности, был, однако, не прочь этим воспользоваться. Внезапно Элизабет отпрянула назад и, обратившись к сэру Уильяму, с неудовольствием воскликнула:

— Уверяю вас, сэр, я совершенно не предполагала принять участие в танцах. Право, я была бы очень огорчена, если бы вы подумали, что я подошла к вам, желая найти себе кавалера.

Мистер Дарси серьезно и учтиво стал просить Элизабет оказать ему честь, приняв его приглашение; но тщетно — она твердо стояла на своем, и делу также не помогла попытка уговорить ее, предпринятая сэром Уильямом.

— Вы превосходно танцуете, мисс Элиза, и с вашей стороны просто жестоко лишить меня такого приятнейшего зрелища. И хотя этот джентльмен — небольшой любитель танцев, у него, конечно, не может быть возражений против того, чтобы так легко оказать нам столь большую услугу.

— Мистер Дарси — сама любезность! — улыбаясь, сказала Элизабет.

— Разумеется, это так. Но, принимая во внимание его побуждения, дорогая мисс Элиза, этому нельзя

удивляться. Кто не был бы счастлив танцевать в паре с такой очаровательной дамой?

Элизабет отошла от них с лукавой усмешкой. Ее отказ не повредил ей в глазах мистера Дарси, и он размышлял о ней вполне благожелательно, когда к нему обратилась мисс Бингли:

— Хотите, я угадаю, о чем вы задумались?

— Надеюсь, вам это не удастся.

— Вы думаете, как невыносимо будет проводить таким образом много вечеров, один за другим, — в подобном обществе. И я совершенно с вами согласна. В жизни еще не испытывала такой скуки! Лезут из кожи вон, чтобы себя показать! Сколько в этих людях ничтожества и в то же время самодовольства. Чего бы я ни дала, чтобы услышать, как вы о них будете потом рассказывать.

— На этот раз, поверьте, вы не угадали. Я размышлял о гораздо более приятных вещах: скажем, о том, сколько очарования заключается в красивых глазах на лице хорошенькой женщины.

Мисс Бингли устала на него, требуя, чтобы он открыл ей, что за леди удостоилась чести навести его на подобные мысли. Ничуть не смутившись, мистер Дарси ответил:

— Мисс Элизабет Беннет.

— Мисс Элизабет Беннет? — повторила мисс Бингли. — Признаюсь, я поражена до глубины души! Давно ли она пользуется такой благосклонностью? И скоро ли разрешите пожелать вам счастья?

— Именно тот вопрос, которого я от вас ожидал. Какой стремительностью обладает женское воображение! Оно перескакивает от простого одобрения к любви

и от любви к браку в одну минуту. Я так и знал, что вы мне пожелаете счастья.

— Что ж, если вы говорите серьезно, я буду считать дело решенным. У вас будет очаровательная теща, которая, конечно, поселится с вами в Пемберли.

Мистер Дарси слушал с совершенным безразличием, как она развлекалась подобным образом. И поскольку его спокойствие убедило ее, что на самом деле тревожиться не из-за чего, она продолжала изощряться в такого рода остроумии еще достаточно долго.

ГЛАВА VII

Почти вся собственность мистера Беннета заключалась в имении, приносившем две тысячи фунтов годового дохода. На беду его дочерей, имение это наследовалось по мужской линии и, так как в семье не было ребенка мужского пола, переходило после смерти мистера Беннета к дальнему родственнику. Средства миссис Беннет, достаточные при ее теперешнем положении, ни в коей мере не могли восполнить возможную утрату имения в будущем. Отец ее при жизни был стряпчим в Меритоне, оставив ей всего четыре тысячи фунтов.

Ее сестра вышла замуж за мистера Филиппа — бывшего клерка отца, который унаследовал его контору. Брат миссис Беннет жил в Лондоне, будучи занят в солидном торговом деле.

Селение Лонгборн находилось всего в одной миле от Меритона — расстоянии, весьма удобном для девиц Беннет, которые обычно навевывались туда три-четыре



[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

